

ИСЛАМ В РОССИИ

УДК 34.096

И.А. Мухаметзарипов

Религия и светское законодательство: применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм (на примере ислама)

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан; muhametzaripov@mail.ru

В статье обращается внимание на проблему религиозной медиации в Российской Федерации. Поднимаются вопросы совместимости принципов медиации с урегулированием споров между верующими в религиозных организациях. Высказываются опасения по поводу превращения религиозной медиации в подобие третейских религиозных судов и возможных нарушений прав и свобод человека. В статье также учитывается зарубежный опыт медиации на примере некоторых государств, в частности стран СНГ.

Ключевые слова: *медиация, религиозная медиация, урегулирование споров между верующими, деятельность религиозных организаций.*

The article discusses the problem of religious mediation in the Russian Federation. It raises the problem of mediation principles compatibility with disputes settlement between worshippers in religious organizations. Concerns have been voiced that religious mediation could turn into a kind of religious arbitration and could possibly violate human rights and freedoms. The paper also takes into account the international experience of mediation in some states, particularly the countries of the CIS.

Keywords: *mediation, religious mediation, settlement of disputes between believers, the activities of religious organizations.*

Религиозные нормы продолжают играть роль одного из регуляторов общественных отношений. Вероисповедание не только определяет личное отношение человека к «постороннему» миру, к сверхъестественному, но и оказывает существенное влияние на поступки людей, их отношения в среде единоверцев и с другими людьми. Поведение верующих во многих конфессиях (к примеру, в христианстве, исламе, иудаизме, индуизме и др.) регламентировано определенным сводом религиозных прав и обязанностей, отклонение от которого порицается и расценивается как грех. Правила, диктуемые религией, непременно сталкиваются с принципами и нормами современного светского законодательства, поэтому возникает два вопроса: возможно ли использование современных правовых институтов как подспорья для разрешения споров между верующими, и каковы пределы возможного вторжения религиозных норм в сферу, традиционно считающуюся владением светского законодательства? В настоящей статье в качестве возможного правового института для разрешения споров между верующими мы рассмотрим медиацию и попробуем определить границы ее использования в рамках религиозных общин.

На сегодняшний день законодательство большинства развитых стран построено на основе принципа отделения религии от государства. Наша страна не является исключением. Согласно ст. 14 Конституции 1993 г., Российская Федерация является светским государством, в котором: 1) никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; 2) религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [11].

Вышеуказанный конституционный принцип конкретизируется в ст. 4 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (далее – Закон о свободе совести). Государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления, а также не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит федеральному законодательству [13].

Закон о свободе совести закрепляет понятие «внутренние установления религиозных организаций». Согласно Закону, религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации (ч. 1 ст. 15). Религиозные организации вправе устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала, а также требования к ним, в том числе в части религиозного образования (ч. 5 ст. 24). В свою очередь государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат действующему законодательству (ч. 2 ст. 15).

Одновременно государство гарантирует свободу вероисповедания. Статья 28 Конституции РФ позволяет каждому человеку не только исповедовать, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. Кроме того, в Российской Федерации признаются принципы свободы договора и свободы завещания (ст. 421 и 1119 Гражданского кодекса РФ) [2; 3], институт брачного договора (ст. 40–44 Семейного кодекса РФ) [18], позволяющие религиозным нормам быть закрепленными в соответствующих договорах или завещаниях.

Немаловажным является упоминание в ст. 5 ГК РФ обычая, которым признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе [1]. Под определение «обычай» могут подпадать сложившиеся и широко применяемые правила поведения, основанные на религиозных нормах – например, по договорам предпринимателей-мусульман. Так, если в ряде договоров будет упоминаться словосочетание «жертвую в вакуф для использования по нормам шариата», то в случае периодического следования нормам шариата о вакуфах (например, запрет на размещение в пожертвованном здании алкогольной продукции) содержание указанной нормы договора может быть рассмотрено судом как «обычай».

Таким образом, действующим законодательством сфера применения религиозных норм при регулировании общественных отношений крайне ограничена и включает: 1) личное поведение человека или межличностные отношения двух и более физических лиц, не нарушающие права и свободы других людей, интересы общества и государства; 2) имущественные отношения между физическими и (или) юридическими лицами на основе сделок; 3) трудовые и образовательные отношения между религиозными организациями и их работниками, учащимися.

Процедура медиации для урегулирования споров с элементом религиозных норм может быть применена лишь в двух последних случаях, так как Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринима-

тельской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений (ч. 2 ст. 1).

Термин *правоотношения* означает общественные отношения, урегулированные нормами права. Каким же образом религиозные нормы могут играть роль в указанных правоотношениях, если религия отделена от государства и законодательство носит светский характер? Через общие принципы гражданского права о свободе договора и свободе завещания, внутренние установления религиозных организаций. Приведем пример. Мусульманин заключает брачный договор с мусульманкой, по которому муж принимает на себя обязательство выплатить жене в случае развода по инициативе мужа определенное вознаграждение, а также периодически перечислять бывшей супруге денежные суммы в течение 4 месяцев и 10 дней в случае, если она не была беременна к моменту расторжения брака. Приведенное условие договора обусловлено нормой шариата о разводе в форме «талака» и сроке «идда», не противоречит российскому законодательству и может быть включено в содержание брачного договора. Если муж откажется исполнять данный договор, то спор становится «спором, возникающим из семейных правоотношений», и может быть разрешен с применением процедуры медиации.

Статья 2 Закона о медиации предусматривает, что:

1) процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения;

2) медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [12].

Следовательно, задача медиатора не в том, чтобы вынести решение по спору сторон, а в том, чтобы содействовать сторонам в разрешении спора. При медиации не медиатор, а сами стороны принимают решение по спору и определяют содержание медиативного соглашения.

Необходимо также принимать во внимание ч. 6 ст. 15 Закона о медиации, согласно которой медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. Мнения российских юристов по поводу приведенной нормы разделились. Так, часть исследователей полагает, что речь идет лишь о недопустимости для медиатора оказывать юридическую, консультативную или иную помощь только одной из сторон, без согласия другой стороны [10]. Другие же считают, что данная норма запрещает медиатору оказывать помощь обеим сторонам [4; 16].

Г. Енютина отмечает, что положение ч. 6 ст. 15 Закона о медиации имеет большое практическое значение, поскольку стороны, особенно если медиатор является практикующим юристом, зачастую обращаются к нему с запросом о правовой стороне своего положения, экспертизе документов и т. п. Она пишет: «Принцип независимости медиатора предполагает, что, даже видя изъяны в правовых позициях сторон, он не вправе давать им юридические рекомендации. Вероятно, именно к этой стороне правового статуса медиатора россиянам тяжелее всего привыкнуть. Стороны не всегда понимают, что медиатор – это не авторитетный юрист, готовый высказать свое профессиональное мнение по существу спора и убедить в нем участников конфликта, а нейтральный посредник» [5]. По мнению Дж. Марсила и Н.Д. Торнтон, «в медиации первой задачей медиатора является побуждение спорящих сторон к диалогу друг с другом касательно спора» [24, с. 861].

Такой же вывод о природе медиации на примере мирового соглашения делался ранее. Например, В.М. Шерстюк и М.К. Юков писали: «Судья, проводящий урегулирова-

ние спора, не может давать сторонам конкретных консультаций и рекомендаций по содержанию мирового соглашения, которое они могли бы принять по результатам достигнутого ими урегулирования спора, и оказывать помощь в составлении текста мирового соглашения, который в связи с этим подготавливается сторонами» [9, с. 394].

В некоторых исследованиях природа медиации определяется несколько иначе. Так, М. Голтсман, Й. Хернер, Г. Павлов и Ф. Сквитани полагают, что при медиации, в отличие от арбитража, нейтральная третья сторона призвана предложить соглашение после заслушивания аргументов каждой из сторон. Она не имеет права навязывать данное соглашение, а всего лишь предлагает выход, который устраивает обе стороны [21, с. 1398]. Однако нас в первую очередь интересует то определение медиации, которое содержится в нашем законодательстве. И в российском Законе о медиации медиатор не имеет права предлагать сторонам какой-либо выход, тем самым занимая позицию юриста-консультанта. Закон позволяет медиатору вносить предложения об урегулировании спора только в случае, если стороны об этом договорились (ч. 5 ст. 11 Закона о медиации). При этом указанное право также ограничено. В случае, когда медиатору право вносить предложения об урегулировании спора предоставлено, он не должен настаивать на принятии сторонами предложенного им варианта урегулирования, ему нужно только выяснить отношение сторон к данному варианту [10].

Возникает вопрос: можно ли отнести священнослужителей, исполняющих обязанности религиозных судей, а также специалистов по «религиозному праву», к медиаторам? Приведем пример. Процедура разрешения спора по шариату (своду мусульманских религиозных норм) в мусульманских религиозных организациях на территории Российской Федерации происходит в большинстве случаев следующим образом: сначала стороны, не обладающие специальными знаниями о нормах шариата, обращаются к лицу, разбирающемуся в мусульманском праве (казыю* или другому эксперту). Последний заслушивает доводы сторон, изучает доказательства, соотносит полученную информацию с нормами шариата и предоставляет сторонам свое заключение. Подобная же практика разрешения спора существует и в других конфессиях.

На наш взгляд, в большинстве случаев при разрешении спора между верующими с участием третьей стороны (религиозного судьи, священнослужителя) речь идет скорее о третейском разбирательстве (по аналогии с третейским судом), а не о процедуре медиации. Священнослужитель или религиозный судья в принципе не может не соотносить поведение сторон с требованиями того или иного вероисповедания. Наоборот, при обнаружении противоречащего религиозным требованиям поведения сторон он неизбежно выступит в роли не примирителя участников спора, а судьи, арбитра, либо, в лучшем случае консультанта, что противоречит сущности медиации и требованиям законодательства.

Ряд зарубежных авторов считает, что медиация, в отличие от судебного разбирательства, способна признать столкновение «правовых норм» с «лично ориентированными нормами». Суды и юристы придают последним лишь второстепенное значение, а сам суд рационален и подчинен праву. Медиация же больше уделяет внимания личным нормам и ценностям [19, с. 87; 25, с. 238]. Личное мнение верующего о религиозных канонах отходит на второй план, так как в религиозной общине существуют принятые правила поведения, изменить которые отдельный человек по своему усмот-

* *Казый (казий, кадий, кади)* – мусульманский судья, знаток шариата, дающий разъяснения и принимающий решения по спорам на основе норм ислама.

рению не может. И в этом отношении вопрос о возможности религиозной медиации может быть поставлен под сомнение.

Кроме того, возникает вопрос: каким образом стороны, желающие разрешить спор по нормам своего вероисповедания, могут сами составить медиативное соглашение, соответствующее религиозным нормам, не обладая глубокими познаниями в т.н. «религиозном праве»? Полагаем, что с учетом требований российского законодательства можно действовать следующим образом: стороны могут обратиться к медиатору с просьбой о привлечении эксперта по «религиозному праву», экспертное заключение которого при соответствии нормам российского законодательства ляжет в основу медиативного соглашения.

Однако становится очевидным, что процедура медиации при этом фактически превращается в завуалированный религиозный суд, когда содержание медиативного соглашения между сторонами спора фактически определяется сторонним экспертом. Роль медиатора сводится к роли своего рода «прикрытия», вынужденной уступке требованиям российского законодательства. Полагаем, что тем самым истинные принципы медиации (нейтральность медиатора и его помощь сторонам в урегулировании спора без навязывания собственного или иного стороннего мнения) не могут быть реализованы в полной мере.

Интересно, что с проблемой превращения медиации в некое подобие третейского суда (арбитража) сталкиваются и в странах с многолетней историей существования института медиации. Например, по свидетельству Ж. Нолан-Хэли, «американская практика медиации на практике неуклонно движется в зону арбитража... По мере того, как юристы все более открыто начинают представлять стороны в медиации, границы между медиацией и арбитражем стираются. Хотя медиация однажды и предложила спорящим сторонам избавление от судов, теперь она предлагает им суррогат арбитражного разбирательства. По мере того, как медиация движется в сторону арбитражной модели, арбитражи, по мнению некоторых ученых, становятся «новыми судами» [26, с. 62, 63].

В подтверждение того, что представители религиозных общин (священнослужители и религиозные судьи) будут несколько иначе подходить к разрешению спора, чем предполагает медиация, можно привести данные американского исследования, согласно которому медиаторы из бывших судей более склонны к оценочной позиции при урегулировании спора, тогда как медиаторы из психологов чаще стремятся к оказанию содействия сторонам в разрешении спора [23, с. 708]. Из этого можно сделать вывод, что религиозные судьи и священнослужители также будут занимать по отношению к сторонам оценочную позицию.

При рассмотрении вопроса о применении медиации при разрешении споров в религиозных общинах иногда ссылаются на общую эффективность медиации как таковой. Однако подобные заявления вызывают сомнения. Во-первых, процент т. н. «урегулированных споров» в процессе медиации говорит лишь о количестве дел, по которому стороны пришли к медиативному соглашению. Данный процент не отражает реальное исполнение этого соглашения, реальное и окончательное разрешение конкретного спора. Во-вторых, споры бывают разные. В тех спорах, которые касаются имущественного интереса сторон, медиация не способна стать действительно эффективным средством. До тех пор, пока у сторон остается возможность прибегнуть к судебному разбирательству (при условии относительной доступности суда для истца в плане финансовых расходов), медиация не будет широко востребована, так как решение суда, имеющее окончательный характер, всегда более предпочтительно. Следует признать, что медиация – всего лишь один из инструментов разрешения споров, со своими достоинствами и не-

достатками. И поэтому будущее медиации в разрешении гражданских и семейных споров между верующими также не безоблачно.

Среди недостатков медиации иногда также выделяют [19, с. 88–93]:

1) отсутствие публичности и открытости процедуры медиации, в отличие от судебного разбирательства. Этот недостаток является оборотной стороной конфиденциальности процедуры медиации и может привести к существенным нарушениям прав и свобод одной из сторон в случаях, связанных с патриархальными отношениями в семье, домашним насилием по отношению к женщинам и детям;

2) возможная несправедливость в процессе медиации, связанная с тем, что медиативное соглашение может оказаться уступкой чьему-либо давлению (другой стороны, семьи, социальной группы, общества), тогда как решение суда независимо. По этому поводу О. Фисс замечает, что «соглашение является капитуляцией условиям массового общества, и к нему нельзя побуждать и нельзя его восхвалять» [20, с. 1073];

3) вероятность нарушения конфиденциальности информации, полученной сторонами, медиатором и иными участниками медиации. Здесь следует отметить, что конфиденциальность информации не позволяет дать объективную оценку всему процессу медиации в определенной сфере;

4) медиативное соглашение может привести к ущемлению прав и свобод одной из сторон, затронуть интересы третьих лиц (например, членов семьи) и противоречить требованиям закона. Некоторые авторы (например, Г.Р. Кларк и И.Т. Дэйвис) считают, что данная проблема не является существенной, так как при возникновении такой ситуации «этичный и надлежащим образом подготовленный медиатор должен прекратить медиацию» [19, р. 92]. Действительно, в отношении светского медиатора такое поведение более чем возможно. Однако медиатор-священнослужитель не может быть полностью нейтральным к сторонам медиации. Наоборот, он является одним из лидеров общины, и от его участия, от принятого им решения зависит его собственный авторитет. В определенный момент у него может возникнуть дилемма: привести стороны к медиативному соглашению любой ценой, даже с нарушением некоторых норм действующего законодательства, либо прекратить процедуру медиации и оставить спор нерешенным, рискуя утратить авторитет в общине;

5) неравенство сторон медиации, когда одна сторона имеет определенное преимущество (психологические особенности, имущественное положение и др.). Данная проблема часто возникает при урегулировании споров между членами патриархальных, религиозных семей. При этом различие в религиозных правах и обязанностях между мужчиной и женщиной может стать препятствием для надлежащей медиации.

Канадские исследователи отмечают, что в сфере семейных споров критика медиации сводится, в частности, к следующему: 1) косвенное принуждение сторон к процедуре медиации, что ведет к нарушению принципа добровольности участия в медиации; 2) неумения медиаторов эффективно выявлять женщин, которые подвергаются домашнему насилию, и урегулировать конфликты, в которых стороны находятся в неравном положении [22, с. 2]. Все вышеуказанные замечания можно отнести и к медиации в рамках религиозных организаций.

Статья 3 Закона о медиации гласит, что процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. При проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон (ч. 7 ст. 11 Закона о медиации).

Особое значение в нашем случае имеют принципы добровольности и равноправия сторон. При медиации религиозных споров следует в первую очередь исключить:

1) возможность принуждения одной из сторон к заключению медиативного соглашения (особенно женщин); 2) любые формы дискриминации по половому признаку или по признаку вероисповедания и отношения к религии (например, при привлечении к процедуре медиации экспертов, специалистов, других лиц). По мнению исследователей, медиатор, действуя беспристрастно и независимо, должен относиться к сторонам одинаково, не отдавая предпочтения какой-либо из них. Также медиатор должен соблюдать нейтралитет и уделять равное внимание каждой из сторон [10]. Смогут ли соблюсти данные требования религиозные медиаторы?

Кроме вышеизложенных проблем, для применения религиозной медиации существует несколько серьезных препятствий. Во-первых, ч. 5 ст. 1 Закона о медиации предусматривает, что процедура медиации не применяется: 1) к коллективным трудовым спорам; 2) к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Таким образом, возникает проблема соотношения религиозных норм с нормами светского законодательства.

Также важно решить вопрос об осуществлении процедуры медиации работниками религиозных организаций. Согласно ст. 2 Закона о медиации, организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – это юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является организация проведения процедуры медиации, а также осуществление иных предусмотренных указанным федеральным законом действий.

По мнению Министерства экономического развития РФ, деятельность медиатора и организации, обеспечивающей проведение процедуры медиации, соответствует в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности ОК 029-2001 коду 74.14 «Консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления» в подклассе 74.1 «Деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием». Сюда включается предоставление услуг по рассмотрению трудовых споров и примирению: содействие в досудебном разрешении трудовых споров или посредничество с целью примирения для урегулирования спорных вопросов между работниками и руководителями, между юридическими лицами или между физическими лицами [17].

В настоящее же время религиозные организации при государственной регистрации основным видом деятельности указывают код 91.31 «Деятельность религиозных организаций» в подклассе 91.3 «Деятельность прочих общественных объединений» [14]. Из этого следует, что религиозная организация не может осуществлять процедуру медиации в рамках своей деятельности, пока деятельность по организации проведения процедуры медиации не закреплена в качестве одного из основных видов деятельности. В противном случае необходимо создание отдельной организации, специализирующейся на религиозной медиации.

Встает вопрос о принятии правил медиации религиозных споров, в которых бы закрепились права и обязанности сторон медиации, права и обязанности медиатора, процедура медиации. К сожалению, в России отсутствует подзаконный акт, который бы более детально регламентировал положения Закона о медиации. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 11 Закона о медиации порядок проведения процедуры медиации устанавливается либо соглашением о проведении процедуры медиации, либо правилами проведения процедуры медиации, утвержденными соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, на которые стороны делают ссылку в соглашении о проведении процедуры медиации.

На наш взгляд, при разработке правил проведения религиозной медиации было бы полезно использовать опыт не только российских организаций, оказывающих услуги медиации, но и нормативные документы соседних стран. Например, в Белоруссии в до-

полнение к Закону № 58-3 от 12 июля 2013 г. «О медиации» Постановлением Совета министров № 1150 от 28 декабря 2013 г. утверждены Правила проведения медиации [15], которые включают: общие положения о медиации (определение понятия, основные задачи и принципы, сроки); права и обязанности сторон медиации; права и обязанности медиатора; порядок подготовки к проведению медиации и регламент проведения медиации (открытие медиации, представление сторон, исследование обстоятельств спора и интересов сторон; дискуссия сторон по выработке повестки дня и вопросов для обсуждения; порядок индивидуальной беседы с каждой из сторон; выработки предложений по урегулированию спора; подготовки медиативного соглашения; завершения медиации и исполнения медиативного соглашения). Естественно, опыт иностранных законодателей следует использовать с учетом норм российского законодательства. Полагаем, что подробная регламентация процедуры религиозной медиации могла бы снизить риск злоупотреблений и стать гарантом реального исполнения медиативных соглашений сторон.

Особо подчеркнем положение п. 15 вышеупомянутых белорусских Правил о медиации: «Медиатор не вправе: ...вносить сторонам свои предложения об урегулировании спора, а также, если стороны не договорились об ином, выступать третейским судьей по спору, который являлся или является предметом медиации; давать заключение о перспективе разрешения конкретного спора в судебном порядке; высказывать по своей инициативе сторонам конкретные предложения по выходу из сложившейся спорной ситуации». Очевидно, белорусский законодатель, как и российский, также склоняется к тому, что медиатор не играет роли судьи или правового консультанта. Медиатор всего лишь содействует сторонам в достижении компромисса, а не определяет позицию сторон, в отличие от религиозного судьи. И данный факт необходимо учитывать при попытках внедрения института медиации в рамках религиозных организаций.

Дополнительно в правилах проведения религиозной медиации следует уточнить сферу ее применения и ее особенности, в частности, в семейных отношениях, так как с рассмотрением последних наиболее часто будут сталкиваться медиаторы. И здесь законодательство некоторых стран СНГ имеет преимущество в плане проработанности перед российским Законом о медиации. Так, ст. 25 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» устанавливает особенности медиации в сфере семейных отношений. Согласно Закону, посредством медиации могут разрешаться разногласия между супругами относительно продолжения брака, осуществления родительских прав, установления места жительства детей, вклада родителей в содержание детей, а также любые другие разногласия, возникающие в семейных отношениях (ч. 1 ст. 25). При проведении медиации медиатор должен учитывать законные интересы ребенка (ч. 2 ст. 25). Если в ходе медиации устанавливаются факты, которые подвергают или могут подвергнуть опасности нормальный рост и развитие ребенка или наносят серьезный ущерб его законным интересам, медиатор обязан обратиться в орган, осуществляющий полномочия по защите прав ребенка (ч. 3 ст. 25) [6]. Полагаем, что в правилах проведения религиозной медиации, которые будут приниматься российскими религиозными организациями, также возможно предусмотреть аналогичные нормы.

Отметим, что Закон Республики Казахстан «О медиации» в ч. 1 ст. 15 предусматривает, что наряду с медиаторами, осуществляющими свою деятельность на непрофессиональной основе, медиацию могут проводить избираемые собранием (сходом) местного сообщества для этих целей члены местного сообщества, имеющие большой жизненный опыт, авторитет и безупречную репутацию. Считаем, что можно было бы рассмотреть вопрос о включении аналогичной нормы в Закон о медиации Российской Федерации, что могло бы способствовать развитию медиации, например, в регионах Северного Кавказа (на основе советов старейшин). Однако и здесь существует вероят-

ность фактического превращения медиации в религиозные третейские суды, что следует принимать во внимание законодателю.

При разработке правил религиозной медиации следует руководствоваться также кодексами этики медиаторов, разрабатываемыми саморегулируемыми организациями медиаторов [7; 8]. Особое значение в разработке правил имеет раскрытие таких принципов медиации, как честность, объективность, беспристрастность и нейтральность, компетентность и должная тщательность, конфиденциальность, профессионализм, противодействие недобросовестным приемам в переговорах и сделках и др.

Поскольку религиозную медиацию предполагается использовать при разрешении споров, возникающих в первую очередь из семейных правоотношений, обратимся к вопросу исполнения медиативных соглашений. По правилу ч. 4 ст. 12 Закона о медиации, медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда. Защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения такого медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством.

В приведенной выше норме ч. 4 ст. 12 Закона о медиации говорится о споре, возникшем из «гражданских правоотношений». Между тем в ч. 2 ст. 1 Закона о медиации упоминается, что Закон регулирует отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Если толковать положения ч. 4 ст. 12 и ч. 2 ст. 1 Закона о медиации буквально, то получается, что защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения медиативного соглашения по спору, возникшему из семейных правоотношений, не предусмотрена законодателем.

Следовательно, исполнение медиативного соглашения, заключенного сторонами по спору, возникшему из семейных правоотношений, возможно лишь в порядке ч. 2 ст. 12 Закона о медиации на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Принудить сторону к исполнению медиативного соглашения посредством обращения в суд невозможно. Эту особенность законодательства следует принять во внимание при внедрении религиозной медиации на территории Российской Федерации.

Как видим, религиозная медиация в Российской Федерации теоретически возможна, однако для ее применения в соответствии с нормами Закона о медиации необходимо решить в первую очередь следующие задачи: 1) определить статус религиозного медиатора, чтобы его роль в процессе медиации отвечала требованиям законодательства; 2) исключить любую возможность принуждения или дискриминации сторон; 3) определить круг споров, которые могут быть разрешены при помощи религиозной медиации; 4) решить вопрос об осуществлении медиации в рамках самой религиозной организации либо в рамках специализированной организации, оказывающей услуги по религиозной медиации; 5) разработать правила медиации религиозных споров. Только в случае успешного выполнения вышеуказанных задач можно говорить о перспективах религиозной медиации в России.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Российская газета. – 2014. – № 101.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2013 г. № 345-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2013. – № 49 (ч. I). – Ст. 6346.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г. № 446-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7011.
4. Добролюбова Е.А. Медиатор vs. Третейский суд: Правовой аспект // Право и экономика. – 2012. – № 4. – С. 29–34 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_PBI_178822/ (дата обращения: 23.03.2014).
5. Енютина Г. Медиация в трудовых спорах: третий не лишний // Кадровик.ру. – 2011. – № 5 // Гарант. Информационно-правовой портал – URL: <http://base.garant.ru/59696606/> (дата обращения: 23.03.2014).
6. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» // Информационная система «Параграф» – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 23.03.2014).
7. Кодекс этики профессиональных посредников и медиаторов саморегулируемой организации медиаторов Некоммерческое партнерство «Сибирский центр конфликтологии» от 15 апреля 2011 г. // Сайт Консалтинговой компании «Restate Недвижимость и Консалтинг» – URL: <http://www.restat.ru/catalog/file/1308032020.pdf> (дата обращения: 23.03.2014).
8. Кодекс профессиональной этики медиаторов Некоммерческого партнерства «Альянс профессиональных медиаторов» от 3 мая 2012 г. // Ресурсный Центр медиации – URL: http://mediators.ru/rus/regional_mediation/moscow/docs6/text3 (дата обращения: 23.03.2014).
9. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. – М.: ООО «Городец-издат.», 2003. – 848 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2011 // Гарант. Информационно-правовой портал – URL: <http://base.garant.ru/58108825/> (дата обращения: 23.03.2014).
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 12. – Ст. 1201.
12. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 233-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162; 2013. – № 30 (ч. I). – Ст. 4066.
13. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465; 2013. – № 27. – Ст. 3477.
14. Постановление Госстандарта России от 6 ноября 2001 г. № 454-ст (ред. от 14.12.2011) «О принятии и введении в действие ОКВЭД» (вместе с «ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности») // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128326/ (дата обращения: 23.03.2014).
15. Правила проведения медиации (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21301150&p1=1&p5=0> (дата обращения: 23.03.2014).
16. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17157> (дата обращения: 23.03.2014).

17. Разъяснения Минэкономразвития РФ от 27 мая 2011 г. «Позиция Минэкономразвития России по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; Российская газета. – 2014. – № 101.

19. *Clarke G.R., Davies I.T.* ADR – Argument For and Against Use of the Mediation Process Particularly in Family and Neighbourhood Disputes // *Queensland University of Technology Law Journal*. – December, 1991. – P. 81–95.

20. *Fiss O.M.* Against Settlement // *Yale Law Journal*. – 1984. – Vol. 93, № 1073. – P. 1073–1090.

21. *Goltsman M., Hörner J., Pavlov G., Squintani F.* Mediation, Arbitration and Negotiation // *Journal of Economic Theory*. – 2009. – Vol. 144, № 4. – P. 1397–1420.

22. *Goundry S.A., Peters Y., Currie R.* Family Mediation in Canada: Implications for Women's Equality. A Review of the Literature and Analysis of Data from Four Publicly Funded Canadian Mediation Programs. – Ottawa, 1998. – 215 p.

23. *Harges B.M.* Mediator Qualifications: The Trend Toward Professionalization // *Brigham Young University Law Review*. – 1997. – Vol. 687. – P. 687–714.

24. *Marcil J.G., Thornton N.D.* Avoiding Pitfalls: Common Reasons for Mediation. Failure and Solutions for Success // *North Dakota Law Review*. – 2008. – Vol. 84, № 3. – P. 861–876.

25. *Neilson L.* Solicitors Contemplate Mediation – Lawyers Perceptions of the Role and Education of Mediators // *International Journal of Law and the Family*. – 1990. – № 4. – P. 235–269.

26. *Nolan-Haley J.* Mediation: The «New Arbitration» // *Harvard Negotiation Law Review*. – Spring, 2012. – Vol. 17, № 61. – P. 61–95.

Поступила в редакцию 17.09.2014 г.